

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

The UNESCO Chair on copyright
and other intellectual property rights

Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву
и другим правам интеллектуальной собственности

Исх. № 86 от 02.07.2010 на № 1105 от 27.05.2010.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СУДЬЕ РУДКИНУ Ю.Д.**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своем качестве руководителя Кафедры ЮНЕСКО Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ) полагаю возможным представить настоящее предварительное юридическое заключение, содержащее ответы на вопросы, поставленные Судьей Конституционного Суда РФ Рудкиным Ю.Д. в письме № 1105 от 27.05.2010 г. в связи с частной жалобой гражданина И.В.Новикова на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 10 части 1 статьи 17 *Федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации»*.

При подготовке данного предварительного заключения я исхожу из того, что вопросы информационного права, включая вопросы реализации прав и свобод человека в информационной сфере, в полном объеме относятся к сфере научной деятельности Кафедры, как она определена Соглашением об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, подписанным в Париже Генеральным директором ЮНЕСКО 12.06.1998 г.

При проведении правовой экспертизы и подготовке данного предварительного заключения я изучил присланные мне документы, включая судебные решения, тексты писем заявителя в различные государственные органы, а также тексты выступлений заявителя в средствах массовой информации, ставшие поводом для его увольнения со службы в органах прокуратуры.

Передо мной были поставлены следующие вопросы:

1. Является ли установленный в обжалуемом пункте Федерального закона «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» запрет по своему буквальному смыслу и по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, запретом абсолютного характера, т.е. действующим независимо от того, соответствуют ли действительности сообщаемые государственным служащим факты, и какой характер (позитивный или негативный) носят высказываемые им оценочные суждения?

Научно-методический центр ГУ-ВШЭ «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности»

Почтовый адрес: Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Для посещения: Российская Федерация, г. Москва, ул. М. Ордынка, д. 17, ауд. 221.

Тел./Факс: +7-499-238-31-39

E-mail: unescochair@hse.ru; unesco.chair.copyright@mtu-net.ru; **Web-site:** www.unescochair.ru

2. Если указанный запрет носит абсолютный характер, то насколько это допустимо с точки зрения положений Конституции Российской Федерации, Конвенции о защите прав человека и основных свобод и иных международно-правовых актов?

3. Если указанный запрет не носит или не должен носить абсолютного характера, то каковы пределы допустимости установленного оспариваемым законоположением ограничения и критерии их допустимости?

4. Каковы допустимые пределы действия указанного запрета, если речь идет о фактах коррупции в деятельности государственного органа, с учетом того, что служебная проверка по сообщениям такого рода проводится должностными лицами данного государственного органа?

Ответы на поставленные вопросы будут представлены ниже в той же последовательности.

1. Чтобы ответить на вопрос об абсолютном или относительном характере запрета, содержащегося в оспариваемом законоположении (пункт 10 части 1 статьи 17 Федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации»; далее – Оспариваемое законоположение), необходимо, прежде всего, тщательно проанализировать текст изложенной здесь правовой нормы.

Оспариваемое законоположение существует в законе в следующем виде:

«1. В связи с прохождением гражданской службы гражданскому служащему запрещается:

10) допускать публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности государственных органов, их руководителей, включая решения вышестоящего государственного органа либо государственного органа, в котором гражданский служащий замещает должность гражданской службы, если это не входит в его должностные обязанности;».

1.1. Очевидно, что с точки зрения общей теории права Оспариваемое законоположение содержит запретительную норму императивного характера. Сделанное здесь исключение «если это не входит в его должностные обязанности» не превращают данную норму в диспозитивную, поскольку данное исключение представляет собой часть гипотезы правовой нормы, а не часть ее диспозиции.

Императивный характер нормы подчеркивается использованием слова «запрещается». В принципе, законодатель мог пойти иным, более гибким путем, используя обязывающую норму вместо нормы запретительной и сформулировав данное правило, например, как обязанность гражданского служащего «воздерживаться от публичных высказываний, суждений и оценок». Однако законодатель избрал путь императивного запрета.

Следовательно, есть основания полагать, что **Оспариваемое законоположение по своему буквальному смыслу содержит запрет абсолютного характера.**

1.2. В то же время необходимо обратить внимание на то, что используемая законодателем формулировка вводит не один, а несколько запретов, каждый из которых носит абсолютный характер:

А) запрет на публичные высказывания в отношении деятельности государственных органов;

Б) запрет на публичные высказывания в отношении деятельности руководителей государственных органов;

В) запрет на публичные суждения в отношении деятельности государственных органов;

Г) запрет на публичные суждения в отношении деятельности руководителей государственных органов;

Д) запрет на публичные оценки в отношении деятельности государственных органов;

Е) запрет на публичные оценки в отношении деятельности руководителей государственных органов.

Анализ особенностей каждого из этих запретов может быть представлен в более подробном юридическом заключении, если таковое потребуется.

1.3. Подчеркнем, что по буквальному смыслу Оспариваемого законоположения государственному служащему запрещается допускать высказывания, суждения и оценки не только в средствах массовой информации, но и в любых других информационных средах, в которых эти выступления приобретают публичный характер.

Хотя законодатель часто использует понятие «публичное выступление», в том числе в *Уголовном кодексе РФ*, однако он до сих пор не выработал легального определения этого понятия.

В данном случае можно в какой-то степени опереться на разъяснения, содержащиеся в *постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 15.06.2010 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»*. Здесь, в частности, указывается, что при определении официального статуса того или иного выступления должностного лица «следует выяснять, имеет ли должностное лицо полномочия на выступление от имени представляемого им органа, организации, общественного объединения, и можно ли данное выступление признать официальным с учетом времени, места и темы выступления. К официальным, например, следует относить выступления должностного лица на заранее запланированном заседании, проведенном с участием журналистов в специально выделенном помещении в здании соответствующего органа, организации, общественного объединения и в соответствии с утвержденной повесткой дня».

Можно также воспользоваться разъяснением, содержащимся в *постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24.02.2005 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»*. Согласно этому разъяснению, публичное выступление приравнивается к распространению сведений в средствах массовой информации, а также к сообщению этих сведений «хотя бы одному лицу» (пункт 7).

Таким образом, мы приходим к выводу, что **содержащийся в Оспариваемом законоположении запрет распространяется, с одной стороны, на любые официальные выступления гражданского служащего, а с другой, на любые его выступления, на которых присутствует хотя бы еще один человек.**

1.4. Обратим внимание также на то, что установленный в Оспариваемом законоположении запрет касается высказываний не только о вышестоящих органах и тех органах, в которых гражданский служащий проходит государственную гражданскую службу. Данные органы указаны здесь через логическую конструкцию «в том числе». Следовательно, запрет в равной мере распространяется на высказывания в отношении нижестоящих государственных органов, а также государственных органов, с которыми гражданский служащий не состоит в каких-либо служебных правоотношениях.

Следовательно, содержащийся в Оспариваемом законоположении запрет распространяется на высказывания гражданского служащего в отношении любого государственного органа и любого их руководителя.

1.5. Правовой анализ Оспариваемого положения законоположения показывает, что оно не делает различий между высказываниями, суждениями и оценками, а также не касается их содержания. В то же время очевидно, что высказывания, суждения и оценки могут сильно различаться по содержанию: фактологические (например, «наше управление разработало план модернизации»), критические (например, «нижестоящие управления еще не разработали план модернизации»), комплиментарные (например, «вышестоящее управление уже давно разработало план модернизации») и т.д. Эти различия в Оспариваемом законоположении игнорируются.

Следовательно, содержащийся в Оспариваемом законоположении запрет распространяется на любые публичные высказывания, суждения и оценки гражданского служащего в отношении любого государственного органа и любого их руководителя вне зависимости от их содержания.

1.6. Примем во внимание также тот факт, что **содержащийся в Оспариваемом законоположении запрет распространяется на высказывания любого гражданского служащего, к числу которых относятся все лица, состоящие на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации и ее субъектов.**

1.7. Подводя итог сказанному выше, отметим, что **содержащийся в Оспариваемом законоположении запрет носит абсолютный характер:**

- по кругу лиц авторов высказываний, суждений и оценок;
- по содержанию высказываний, суждений и оценок;
- по форме изложения высказываний, суждений и оценок;
- по форме придания публичности высказываниям, суждениям и оценкам;
- по кругу лиц, в отношении которых допускаются высказывания, суждения и оценки.

1.8. Говоря о применении Оспариваемого законоположения, отметим, что в правоприменительной практике нам не известно **ни одного случая**, когда гражданский служащий привлекался бы к ответственности за нарушение содержащегося здесь абсолютного запрета в связи с публичными высказываниями, суждениями или оценками комплиментарного характера либо критикой в отношении нижестоящих государственных органов.

Можно привести множество примеров публичных выступлений гражданских служащих, занимающих высшие руководящие должности, с критикой как нижестоящих, так и не соподчиненных органов и их руководителей. *Так, в июне 2006 г. руководитель Роспотребнадзора Г.Онищенко публично заявил: «20 июня судья Останкинского районного суда Михалина в нарушение всех процессуальных норм, в результате скоропалительного, тенденциозного и небескорыстного рассмотрения прекратила производство дела по рассмотрению вопроса о четырех крупных партиях винных суррогатов производства Грузии. Об этом в установленном порядке будет доведено до сведения Верховного суда России с целью принятия решения о должностном соответствии подотчетных Верховному суду органов и лиц, а также с целью опротестования через прокуратуру действий гражданки Михалиной, содержащих признаки уголовной ответственности».*

Хотя в данном публичном выступлении очевидно имелись признаки не только нарушения Оспариваемого законоположения, но и совершения преступлений, предусмотренных статьями 297 УК РФ (неуважение к суду) и 298 УК РФ (клевета в отношении судьи, сопряженная с обвинением в совершении тяжкого преступления), однако данное высказывание гражданского служащего осталось без последствий для него.

Как показывает практика, **содержащийся в Оспариваемом законоположении абсолютный запрет применяется весьма избирательно, произвольно, и исключительно к критическим высказываниям, суждениям и оценкам, и только в отношении нижестоящих гражданских служащих, критикующих вышестоящие органы или вышестоящих должностных лиц.**

Следовательно, привлечение гражданского служащего к ответственности за нарушение данного абсолютного запрета в большинстве случаев представляет собой ни что иное, как **преследование за критику**. Напомним, что в *Уголовном кодексе РСФСР* с 1985 г. существовала даже специальная статья 139.1. «Преследование граждан за критику», которая устанавливала уголовную ответственность за «умышленное ущемление должностным лицом прав и охраняемых законом интересов гражданина, связанное с преследованием его за подачу в установленном порядке предложений, заявлений, жалоб, либо за содержащуюся в них критику, а равно за выступление с критикой в иной форме» (в ред. Закона РФ от 20.10.1992 № 3692-1).

В настоящее время такой статьи в УК РФ нет, однако это не делает преследование за критику законным. Более того, в пункте 1 статьи 6 *Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»* установлено: «**Запрещается преследование гражданина в связи с его обращением в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу с критикой деятельности указанных органов или**

должностного лица либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц».

Хотя эта норма не обрела пока санкцию в УК РФ или КоАП РФ, но получила конкретизацию в подзаконных актах. Так, в *Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генпрокуратуры РФ от 17.12.2007 № 200* (в ред. Приказа Генпрокуратуры РФ от 05.09.2008 № 178) говорится: *«Преследование гражданина в связи с его обращением в органы и учреждения прокуратуры с критикой их деятельности либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц запрещается, за исключением случаев, когда их действия образуют состав уголовного преступления».*

2. Представляется, что содержащийся в Оспариваемом законоположении абсолютный запрет не является допустимым ни с точки зрения положений *Конституции Российской Федерации*, ни с точки зрения *Конвенции о защите прав человека и основных свобод*.

2.1. Если рассматривать содержащийся в Оспариваемом законоположении абсолютный запрет с точки зрения Конституции РФ, то нельзя не заметить, что он **прямо противоречит статье 29 Конституции РФ**, согласно которой «каждому гарантируется свобода мысли и слова» (часть 1), «никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них» (часть 3) и «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (часть 4).

В то же время часть 3 статьи 55 Конституции РФ закрепляет: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Следовательно, Оспариваемое законоположение должно, во-первых, содержаться в федеральном законе, а во-вторых, иметь целью достижение именно указанных выше целей.

Если первое условие в данном случае соблюдено, то второе – нет. Как видно из предшествующих тезисов, **анализируемый абсолютный запрет имеет на практике избирательный характер и нацелен исключительно на защиту интересов вышестоящих уровней бюрократии от критики со стороны нижестоящих гражданских служащих**. Более того, если эта критика содержит информацию о коррупционных проявлениях, а нижестоящие служащие, как правило, значительно лучше осведомлены об этом по сравнению с любыми посторонними, в том числе проверяющими, лицами, то **абсолютный запрет, содержащийся в Оспариваемом законоположении, становится условием, способствующим совершению преступлений**.

2.2. Обратим внимание на то, что федеральный закон, содержащий Оспариваемое законоположение, декларирует приоритет прав и свобод человека и гражданина (пункт 1 статьи 4), что вполне соответствует статье 2 Конституции РФ,

согласно которой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Отсюда следует, что Оспариваемое законоположение, содержащее абсолютный запрет на выражение мнений и распространение информации гражданскими служащими, не подлежит применению в том числе в силу приоритета прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, **здесь налицо внутреннее противоречие** в *Федеральном законе от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации»*.

2.3. Оспариваемое законоположение, содержащее абсолютный запрет на выражение мнений и распространение информации гражданскими служащими, **находится в противоречии и с другими федеральными законами**. В частности, статья 58 *Закона РФ от 27.12.1991 «О средствах массовой информации»* предусматривает установление правовой ответственности за ущемление свободы массовой информации посредством «установления ограничений на контакты с журналистом и передачу ему информации, за исключением сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну». Поскольку Оспариваемое законоположение не касается сведений, составляющих специально охраняемую федеральным законом тайну (об этом говорится в пункте 7 части 1 статьи 15 *Федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации»*), постольку **содержащийся здесь абсолютный запрет является противоправным ущемлением свободы массовой информации**.

2.4. Если к Оспариваемому законоположению применить критерии Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), традиционные при оценке нарушений статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) - «предусмотрено законом», «установлено в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия» и «необходимо в демократическом обществе»), - то следует прийти к следующим выводам.

Согласно правовой позиции ЕСПЧ, статья 10 ЕКПЧ применима к служебным ситуациям и **государственные служащие имеют право на свободное выражение мнений** (см. «*Фогт пр. Германии*», 26 сентября 1995 г., § 53, Серия А № 323; «*Вилле пр. Лихтенштейн*» (*Wille v. Liechtenstein*) [БП], № 28396/95, § 41, ЕСПЧ 1999-VII; «*Ахмед и другие пр. Соединенного Королевства*» (*Ahmed and Others v. the United Kingdom*), 2 сентября 1998 г., § 56, Отчёты 1998-VI; «*Фуэтез Бобо пр. Испании*» (*Fuentes Bobo v. Spain*), № 39293/98, § 38, 29 февраля 2000; и «*Гужа пр. Молдовы*» (*Guja v. Moldova*) [БП], № 14277/04, § 52, 12 февраля 2008).

В решении по делу «*Фогт пр. Германии*» Суд подчеркнул, «что права доступа на государственную службу не случайно нет в тексте Конвенции. Это означает, что отказ произвести назначение какого-либо лица на государственную службу не может сам по себе служить основанием для жалобы в соответствии с

Конвенцией. Однако это не означает, что лицо, находящееся на государственной службе, не может жаловаться на свое увольнение, если такое увольнение нарушает одно из его прав, защищаемых Конвенцией. Государственные служащие не находятся за пределами сферы действия Конвенции. В статьях 1 и 14 Конвенции провозглашается, что Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому лицу, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I Конвенции, без какой-либо дискриминации. Более того, заключительное положение п. 2 статьи 11, которое позволяет государствам вводить специальные ограничения на осуществление свободы собраний и ассоциаций «лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства», подтверждает тем самым, что по общему правилу гарантии Конвенции распространяются на государственных служащих (см. постановления по делу *Глазенап* и по делу *Козик против Федеративной Республики Германии* от 28 августа 1986 г. Серия А, т. 104, стр. 26, п. 49, и т. 105, стр. 20, п. 35)».

В то же время Суд считает, что **служащие имеют перед своим работодателем долг лояльности, сдержанности и осмотрительности**. Это особенно справедливо в случае с госслужащими, поскольку сам характер государственной службы предполагает, что госслужащий связан долгом лояльности и осмотрительности. По этой причине раскрытие госслужащими информации, полученной в ходе работы, даже по социально значимым вопросам, следует рассматривать с поправкой на существование их долга сохранять лояльность и осмотрительность.

В свою очередь, **долг лояльности и осмотрительности госслужащих требует, чтобы распространение, пусть даже верной информации, осуществлялось с соблюдением умеренности и уместности**. В демократическом обществе всегда должна сохраняться возможность открытого обсуждения тем, представляющих общественный интерес. При этом большое значение имеет мотивация поведения госслужащего. Действие, мотивированное личным недовольством или неприязнью, или же ожиданием личной выгоды, включая материальную, не заслуживает особой степени защиты. Напротив, высказывания на политические темы заслуживают особой защиты по статье 10 ЕКПЧ. Если высказывания госслужащего не были полностью лишены фактологического основания, то они «не должны были рассматриваться как ничем необоснованный личный выпад, а скорее как добросовестное толкование вопроса, имеющего огромную общественную значимость» (дело «Кудешкина пр. России»).

В частности, в деле «*Гужа пр. Молдовы*» ЕСПЧ пришел к выводу, что общественный интерес в предоставлении информации о неуместном давлении и правонарушениях в прокуратуре был настолько важен в демократическом обществе, что он превышал интерес в поддержании государственной секретности в Генеральной прокуратуре. Открытое обсуждение тем, которые беспокоят общественность, являлось естественным для демократии, и было очень важно для членов общественности не лишиться возможности высказывать свои мнения по таким вопросам.

Еще один фактор, влияющий по мнению ЕСПЧ на правовую оценку подобных ситуаций, - так называемый «охлаждающий или устрашающий эффект», который производит наказание госслужащего, осмелившегося публично высказать свои мнения, на других служащих.

Суд также обращает внимание на важность свободы выражения мнений в делах, где затрагивается общественный интерес, и, особенно, на **право госслужащих сообщать общественности о ненадлежащем поведении и правонарушениях по месту их гражданской службы**. Вот почему в подобных ситуациях обязанности и ответственность служащих по отношению к их работодателям отступают перед интересами общества, а значит, вмешательство государства в право служащего на свободу выражения мнений не является оправданным, поскольку не является «необходимым в демократическом обществе», как то предусмотрено статьей 10 ЕКПЧ.

Таким образом, **правовая позиция ЕСПЧ полностью отвергает абсолютный характер запрета, содержащегося в Оспариваемом законоположении.**

3. Изложенные выше тезисы приводят нас к выводу, что **запрет, содержащийся в Оспариваемом законоположении,**

во-первых, носит абсолютный характер;

во-вторых, несмотря на свою императивность применяется избирательно, произвольно, как правило, с целью сокрытия фактов коррупции и других злоупотреблений;

в-третьих, противоречит ряду положений Конституции РФ;

в-четвертых, противоречит правовой позиции Европейского Суда по правам человека.

Представляется, что запрет государственному служащему публично выражать свои мнения по вопросам, относящимся к его служебной деятельности, **не может быть абсолютным.**

Он может существовать в законодательстве, но при этом **должен быть ограничен:**

а) требованиями умеренности (в отношении, прежде всего, стилистики высказываний);

б) требованиями уместности (например, высказывание в период избирательной кампании, если оно продиктовано исключительно заинтересованностью служащего в победе того или иного кандидата, должно рассматриваться как находящееся вне сферы конституционных гарантий свободы выражения мнений);

в) целью защиты общественных интересов. Хотя в российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия общественных интересов, однако в упоминавшемся выше *постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 15.06.2010 г.* разъясняется, что «к общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде».

Одновременно должна быть предусмотрена ответственность в случае преследования гражданского служащего за критику, а также организационно-правовой механизм реагирования на публичную критику, появившуюся в средствах массовой информации. Такой механизм был отчасти предусмотрен *Указом Президента РФ от 06.06.1996 № 810 «О мерах по укреплению дисциплины*

в системе государственной службы», однако данный нормативный правовой акт утратил силу в 2005 г.

4. Таким образом, мы видим, что запрет гражданским служащим публично высказывать свои мнения (суждения, оценки) **может быть только относительным, но ни в коем случае не абсолютным**. Причем, среди перечисленных выше критериев (умеренность, уместность, цели защиты общественных интересов) наибольшее значение имеет именно цель, которую преследует гражданский служащий, предавая гласности свои мнения или известную ему служебную информацию. Если его действия продиктованы стремлением вскрыть факты коррупции или других злоупотреблений в деятельности государственного органа, то они, безусловно, должны находиться под защитой закона и правоприменительной практики.

Примечательно, что упомянутый выше *Указ Президента РФ от 06.06.1996 № 810* обязывал руководителей федеральных органов исполнительной власти незамедлительно проводить служебные проверки по критическим выступлениям в СМИ, проверяя достоверность изложенных в них фактов и выявляя виновников вскрытых злоупотреблений. Редакции соответствующих СМИ должны были получать ответы о результатах проверок не позднее, чем через две недели. К сожалению, на практике критические выступления СМИ проверяются, как правило, теми же чиновниками, о чьих злоупотреблениях идет речь в публикациях. И единственная цель таких проверок - выявление источника утечки информации, если он воспользовался тайной источника информации (статья 41 Закона РФ «О средствах массовой информации»), и привлечения его к ответственности за клевету, нарушение законодательства о государственной службе, разглашение служебной тайны и т.д. Очевидно, что такая практика наносит огромный ущерб борьбе с коррупцией в системе государственной службы.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что Оспариваемое законоположение противоречит ряду положений Конституции РФ (в частности, ст.ст. 2, 29, 55), а также статье 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (с учетом правовой позиции Европейского Суда по правам человека).

М.А.ФЕДОТОВ,

Директор Научно-методического центра
«Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву
и другим правам интеллектуальной собственности»
Государственного университета –
Высшей школы экономики,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
лауреат Премии Правительства РФ,
Чрезвычайный и Полномочный посол

